Лев Кассиль
Изустный период в г.Покровске

Из материалов к книге "Кондуит".

Покровск на Волге - столица. Главный город Республики немцев Поволжья. Это из географии. К сведению.

Вывески двойные - немецко-русские. Язык тройной. Вроде одеколона. Украинский, русский, немецкий.

Интересный городок. Летом пыль - жуть. А это было зимой. В 1927 году. Снег был до окон, до крыш, до безобразия.

У Халтурина - это значит в клубе им. Ст. Халтурина. Клуб совторгслужащих. Раньше назывался приказчичий. Когда переименовали, все думали, что будет вроде ресторана-кабаре. Халтурный клуб.

Клуб - культурный центр города. Напротив маленькая электростанция. Сидишь в клубе, и кажется, будто на пароходе. Гул и трясение. И весь переулок в гуле. На дощечке написано, что переулок Театральный. А на самом деле это "Брешка" или "Брехаловка". Как хотите.

На Брешке два кино. Один "имени Карла Маркс" ("а" не уместилось). Вечерами по Брешке гуляние. Вся Брешка - два квартала. Девушки идут посередине. Плывут, медленно колыхаясь. Как плывут арбузные корки у волжских пристаней. А по бокам шпалерами стоят парни. Парни щелкают подсолнухи и "причепляются". Весь переулок черный от семячной шелухи. Семячки там называют "покровским разговором". Клуб стоит против Брешки. Перед клубом снег опален светом электростанции. Электростанция маленькая, длинношеяя. С длиннущей железной трубой. Похожа на жирафу. На трубе сверху нашлепка. Из-под нашлепки дым.

В клубе нет ничего от Брехаловки. Там, в клубе, библиотечка, журналы первой свежести, чистота, хоркружок и "просьба вытирать ноги". В клуб меня пригласил знакомый врач. Его называют "санитарно-поэтический доктор". Он "санпрос" и пишет стихи.

Библиотекарша - интеллигентная, в шляпке и валенках - сказала мне: "Приходите к нам завтра. У нас вот тоже кружок есть. Литературный". И смутилась.

Стыдное это слово - литература. Скажет человек, а самому совестно станет.

Кружок по составу оказался такой. Анкеты я не проводил. А так, на глаз. Служащие девицы. Нарсудья. Врач. Учительницы. (И одна даже тетка Пильняка.) Жена одного врача с подругой. (Ко мне обращалась - не товарищ, не гражданин, а "мусью".) Безрукий немец, страстный шахматист и футболист. (Фигуры двигает зубами. В футбол гарантирован от "хенца".) Поэт-красноармеец, поэт-бухгалтер, местный драматург, автор многих пьес на украинском языке. Потом один из Наркомзема, кажется, спец по вопросам природы искусства. Как оно, что и кому. Втихомолку пишет повесть для "Красной нови". (Жена выболтала.) Председатель кружка - служащий Наркомфина местного. Редактор стенгазеты. Человек хороший, серьезный, вдумчивый, читающий. Тоже стихами страдает.

Сначала председатель читал свои стихи. Что-то об утре в лагере. Я держался критиком, курил трубку. Стихи были слабые, мученные, как замытая акварель. И рифмы старенькие, глагольные (идут-ведут). Указал на это. А для сравнения - рифму Маяковского. Автор стал спорить. Красноармеец тоже. "Мы, говорит, - не футуристы. Одна непонятность будет". А искусствовед из Наркомзема, злоедущий парень, говорит: "Белинский сказал то да се (это он, оказалось, всегда от Белинского танцует), а вот почему Маяковский совсем непонятен? А?" (Все обрадовались: уели москвича.)

- А вы читали его? - спрашиваю.

- Пробовали и ни черта не понимаем. Что это за поэт, который непонятный? Белинский сказал...

- Да вы, - говорю, - просто не привыкли к его форме. Читать его не научились...

На это просто все обиделись. И эпидемически-поэтический доктор, и нарсудья, и учительницы.

- Славу богу, грамотные!

- Мудрить нечего, вот что.

- Белинский сказал...

- Позвольте, я вам что-нибудь прочту из Маяковского?

Снисходительно согласились.

Комната была небольшая. Голос у меня не комнатный. "Синеблузый" голос. До Маяковского далеко. До волжских водоливов ближе. А они, как известно, с баржи на баржу в половодье выражаются. Без натуги. Вполголоса.

Прочел я "Левый марш" Маяковского. Много раз слышал и усвоил, сколько мог, его манеру.

Возбужденные глаза, и слышно, как электростанция гудит. Кончил. У безрукого немца движение... зааплодировать ногами. И вдруг все сразу заговорили смущенно и восторженно:

- Да, это, действительно, другое дело.

- Замечательно!

- Силища какая!

- Вы нарочно понятное выбрали!

- Прочтите еще!

- Еще! Еще!

Но кто-то вспомнил, что "Левый марш" в кружке читали и "не поняли".

Прочел им "Необычайное происшествие", "В Гаванне все разграничено четко" и многое другое.

"Шумный успех", как говорят рецензенты. Привлеченные моим неизмеренным громкогласием, пришли из других кружков. Пришлось перейти всем в большую комнату, где была читальня. Читальню закрыли. Но многие остались слушать.

Нашлись в библиотеке книги Маяковского. Читал с любой страницы, где откроется. Все оказалось понятным. И тогда посыпались вопросы:

- Что такое Леф? Что такое футуризм? Какие книги есть у Маяковского?

Много вопросов не по существу. Вернее "о существе" - сколько лет Маяковскому, женат ли? Рост, возраст и масть.

Потом вспомнили, конечно, Есенина. Потом о мейерхольдовском "Ревизоре". Опять о Маяковском. Слушали очень внимательно. Только парочка одна иронически перешептывалась. Признаться, нервировали. Потом выяснилось: туземные апповцы.

Часы отстригли "без пяти одиннадцать". Голос мой стал "комнатным" от сипоты. И тогда я понял, что прочел нечаянно целую лекцию. Меня очень благодарили. Я здорово устал. Книги Маяковского разобрали. Записались в очередь на них. Уже на улице - Брешка затихала и уличка гудела электростанцией - председатель спросил:

- Простите. Я хотел вас спросить - есть ведь, наверно, руководство поэтическое? Теория, так сказать. Действительно учиться надо. Да, учиться.

Меня встречали на улице потом так:

- Здорово! С приездом! Слушай, правда это ты Маяковского здорово читаешь? Я зайду. Почитаешь?

В библиотеке среди закупленных книг я видел Маяковского "Для голоса".

А один раз слышал такой спор. Некто в форменной фуражке ругал и поносил Маяковского. Председатель горячо защищал: "Надо уметь читать", - говорил он.

Дома у себя я всех сагитировал. За чаем жарят цитатами из Маяковского: "Чай гони, - говорит отец, - гони, поэт, варенье".

И из больницы, где работает отец, приехала маленькая женщина-врач. Жила она по разным заграницам, с Розой Люксембург чуть ли не друг была, а теперь живет за городом при больнице и презирает "новых". Приехала и первым делом:

- А ну-ка, прочтите. Ни слова не понимаю из этой бездарности.

Пришлось прочесть, и, видно, очень понравилось. Потому что молчала весьма огорченно. И уехала обиженная.

В Саратов приезжал Маяковский. Весь кружок ездил на его лекции. Ночью возвращались. Многие пешком. Мороз. Семь верст замерзшей Волгой. Приехали туго набитые Маяковским и восторгом. Только одна учительница заявила, что "Маяковский неврастеник..."

А братишка мой, саратовский студент, рассказал: звал он одного своего профессора на Маяковского. Тот ответил:

- Нет, спасибо. Надоела мне эта "згара-амба".

- Так ведь то Каменского.

- Ну-у! Значит спутал. Все равно не пойду.

Разные слухи поплыли из Саратова.

Бодро пришел Маяковский в гублит и представился. А там спрашивают:

- А кто это такой Маяковский?

Это в гублите-то! И будто кричал Маяковский на всю Немецкую.

А еще будто ходил он по гостинице "Астории" утром в одних трусах. Принимал воздушные ванны. Может быть, это вранье.

Принимал ли Маяковский ванны, так и не знаю, но что баню мне за это в кружке задали, это знаю, и очень хорошо знаю.

- Что же это ваш Маяковский? - укоризненно говорили кружковцы, нехорошо без штанов-то.

И крыть было нечем.

Владимир Владимирович, будете еще в Саратове, ходите в брюках.

Когда стали толстые и тощие журнальчики блефать на Леф и Маяковского, друзья мои из клуба Халтурина ходили огорченные:

- Читали Полонского? Что же это? Ругань все. Нехорошо.

И своими силами "опровергали". Брали в полон Полонского, ошельмовали Ольшевца. Ну, а других Лежнячьих вообще не бьют.

Незадолго до моего отъезда кружок совместно с АППом устраивали большой литературный вечер в рабочем районе.

Я приготовил Маяковского. Все, и даже кружковцы, отговаривали. Не поймут, дескать, рабочие.

Я человек упрямый. Читал Маяковского.

Зал громадный. Театр недостроенный. Кирпичные стены. Стропила. Акустика паршивая. И битком. Тысячи полторы. Железнодорожники, деревообделочники и костемольщики.

Прочел с подъемом. Дошло. Шибко хлопали, топали ногами и дружно орали "быс".

Один машинист знакомый, драмлюбитель страстный, просил потом "списать стишок". Очень ему понравилось - "налево посмотришь - мамынька мать, налево - мать моя мамочка".

- Хорошо, - говорит, - написал, сукин кот. Не ругается, говорит, - а совсем как будто. И сказали вы стишок классно.

Шкловский говорит, что он воскресил в России Стерна. Научил нас читать его. Все думали, скучный, скучный, а оказалось интереснейший писатель. Шкловский очень гордится этим.

Я научил покровчан читать Маяковского. И я тоже очень горд. В покровском масштабе.